

INHABITATION ETIQUETTE OF THE KYRGYZ PEOPLE

Aalieva G.

ЭТИКЕТ ЖИЛИЩА КЫРГЫЗОВ

Аалиева Г. К.

*Аалиева Гулзат Карыбековна / Aalieva Gulzat - кандидат философских наук, доцент, докторант,
Институт философии и политико-правовых исследований
Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Государственный университет им. И. Арабаева,
доцент,
Институт Манасоведения, г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в данной статье автор анализирует особенности этикета жилища кыргызов, который складывался у кыргызского народа веками. Отмечает, что исследование этикета жилища кыргызско-кочевника даст нам возможность понять внутренний мир и специфику души кыргызско-кочевника.

Из эпоса «Манас» можно получить сведения о характере жилищ, транспортных средств, одежды и пищи кыргызов. Жилища, предметы домашнего обихода, одежда, средства передвижения отражают образ жизни и географическую среду обитания кыргызов. В связи с кочевым укладом жизни и особенностями родово-патриархального быта кыргызы жили аилами, в переносных жилищах - **юртах** – «**боз үй**».

Abstract: in this article, the author analyzes the characteristics of the inhabitation etiquette of the Kyrgyz people, which was formed during many centuries by the Kyrgyzs. She notes the investigation of the traditional Kyrgyz nomadic inhabitation can be used to understand the inside world and spirit of the nomadic Kyrgyz people.

“Manas” the epic gives information about character of housing, domestic appliances, costumes and food. In general housing, domestic appliances, costumes, means of transport of Kyrgyzs reflect their existence and geographical conditions. Under the influence of Nomadic activity and specialties of paternal tribe Kyrgyz people lived in yurta.

Ключевые слова: этикет, этикет жилища, юрта – «боз үй», пространственные и временные параметры человеческого бытия в рамках юрты и т.д.

Keywords: etiquette, inhabitation etiquette, yurta, space and time of human being in yurta etc.

УДК 159.9:39:395.6

Исследование **этикета жилища кыргызско-кочевника** даст нам возможность понять внутренний мир и специфику души кыргызско-кочевника [2; 3; 5; 12]. Жилище кыргызско-кочевника с легкой руки первых исследователей и неточности перевода стали именовать **юртой** (от слова **журт** - место, где должен стоять жилище кыргызско-кочевника). **Жилище** на кыргызском языке будет «**турак-жай**» (место стояния) или «**үй**» (от глагола **үй** – собирать всякую всячину в одном месте). В действительности **юрта** означает **не жилище, а место, где стоит жилище** кыргызско-кочевника.

О чем может нам говорить **слово**, объединяющее в себе и **человека**, и **место его жилища**. Это может говорить нам о том, что **место**, в котором живет кыргызско-кочевник, избирательно, т.е. **место** и **человек** должны соответствовать друг другу. Только тогда они достойны именованию «**журт**». Особый статус «**журта**» мы можем уловить в другом понятии, имеющем непосредственное отношение к жилищу кыргызско-кочевника. Таким понятием является «**тигет**», означающий «**сажать**». **Кыргызско-кочевник свое жилье не строит, а сажает. Жилище** кыргызско-кочевника именуется **боз үй**. Итак, **боз үй не строят**, как строят **свое жилище** многие народы оседлой культуры, а **сажают** («**тигет**»). **Сажают** как нечто живое, как **дерево**, как-то, что может **произрастать** только **там**, где **почва** соответствует для **роста** и **процветания**.

Юрта является древнейшей формой жилища кочевников, результатом приспособления скотоводов к условиям кочевой жизни. В эпосе «Манас» нашли отражение древние формы переносных жилищ - разные шалаши (алачык), «кош» и «чатыр» (шатер), которые служили Манасу и его дружинникам временными жилищами во время походов и охоты. Часто упоминаемый **шатер** (чатыр) **Манаса** имел **конусообразную форму**, покрывался обычно **кошмой** или **шелком**. В эпосе указано, что «**каждый из сорока дружинников имеет свой шатер, сделанный из красного шелка**» - «кырк чоро деген кырк баатыр, ар кайсысы тиккени, кымкаптан кылган **кол чатыр**».

Парадные юрты кыргызов назывались и называются «**ак ордо**», «**ак сарай**», «**ак өргөө**». Как утверждают строки эпоса «Манас» «Асемдеген ак сарай, салтанаты бир далай», юрты «ак сарай» отличались своими размерами, богатством убранства [8, с. 117]. При изготовлении юрты большое внимание уделялось внутренней отделке, украшению дверей, циновок, опоясывающих юрту, орнаментам из кошмы, украшению широких лент, укрепляющих юрту [7, с. 404]. По материалам эпоса «Манас» иногда «ак ордо», «ак сарай», «ак өргөө» давали невесте в качестве приданного. Например, красоту, размеры, богатство убранства и т.д. «ак өргөө», которое было подарено Манасу его тестем Кайып даңом, когда Манас женился на Карабөрк, Жайсаң ырчы воспевал в течение полудня.

По описанию эпоса у кыргызов было два вида **военно-походной юрты**:

- юрта небольшого размера, без решетки (кереге) называлась «*жолум үй*» (джумалейка); в них обычно спали *воины и табуничики*;

- другой была «*отоо*» - «маленькая юрта, которую берут с собой в поход на летовку» [8, с. 34].

В кыргызском эпосе изображена *ханская ставка Манаса*, которая называется «*Ак ордо*». По описанию эпоса, *ханская ставка Манаса* окружена огромным дувалом, ставку постоянно охраняют шесть тысяч человек. У дверей ханской ставки стоят двенадцать караульных. Посредине юрты на троне восседает сам Манас, окруженный приближенными. Время от времени караульные бьют в барабан [8, с. 34].

Информация о *юрте*, в свою очередь, помогает раскрыть *сущность* древних традиций кыргызов, отражающих *картину мира*. Традиция определила порядок и ритуал установки юрты, соотношенные с порядком космоса. Прежде всего, речь идет о юрте как об актуализированном пространстве, наполненном жизнью. Это первый уровень актуализации. Параметры этого пространства строго распределены по количественным, пространственно-временным, этическим и персонажным характеристикам.

Пространственно-временной ритм и динамизм упорядочен в плане содержания ориентировкой юрты входом в направлении на *восток*. Именно *вход* являлся *точкой начала*. С двери начиналась установка юрты и только потом растягиваются по кругу раздвижные стены-кереге, олицетворяя растяжение, распространение и заполнение пространства. От двери, по линии восток-запад проходит основная *пространственно-временная диагональ*, на противоположном конце которой располагается *төр* («*трон*»), семиотическая ценность которого была повышенной в связи с тем, что это *место* является *самым почетным* в юрте и принадлежит *членам старшего поколения*. Соответственно у *входа* занимали *места молодые члены семьи*. *Пространственное размещение* соотносилось с *временным*, а в сумме с *космогоническим*: человеческий поток двигался по направлению *движения солнца* - от его рождения (*Восток*) и на закат (*Запад*) [11, с. 66]. Когда *умирал* (*уходил на Запад*) старейший член семьи, *место на төре* освобождалось, вследствие чего происходило *передвижение* всего коллектива и у начала (на *Востоке*) оказывался следующий молодой член социума [6, с. 81]. В данном случае *порядок жизни человека* соответствовал *порядку космоса*, на чем и строилась *картина мира* у кыргызов, где космос - это «*нестрашный для человека родной дом*» [4, с. 398].

Юрта как *жилье человека* оказывается в контексте культуры актуальным *центром* в плане выражения, где переплетены *космологический* и *антропоморфный коды*, составляющие план содержания, и где осуществляется глубокое единство этих двух планов. Через это *единство* даны основополагающие элементы вселенной, причем в иерархизированном порядке.

Как старшие и младшие распределены по линии восток-запад, где места у входа и төр обладают различной сакральной значимостью, так мужчины и женщины разведены по линии юг-север по правую и левую стороны юрты, которые также сакрально противоположны. В тюркской архаической горизонтальной модели мира *верхний мир* – мир предков, *нижний мир* – мир мертвых. Верхний мир располагался на юге, нижний на севере. В юрте, как «оазисе упорядоченного бытия, правая (южная, верхняя) сторона считалась *мужской*. Здесь развешиваются принадлежности конского снаряжения, охоты, скотоводчества и прочее. Левая (северная, нижняя) половина - *женская*, с набором предметов домашней утвари, орнаментированной ширмой-ашканой за которой находятся продукты.

Конструктивные пространственно-временные пределы развертывания человеческой жизни, таким образом, включают антропоцентрические ориентиры разных сфер культуры. Одной из сфер является, естественно, представление об упорядоченности космоса как целого, что очень четко нашло отражение в горизонтально-линейной упорядоченности пространства юрты по линиям восток-запад и юг-север. На крестообразном пересечении этих линий, в *центре* находился *очаг* (*коломото*). Здесь проходила вертикальная ось юрты, соотносимая с «*мировым деревом*». *Верхней границей* этой *вертикали* был *түндүк* - *замковая деталь* всего сооружения. Установка *түндүка* связывалась с *идеей скрепления и соединения*. Эту часть работы проделывали только *мужчины*, поднимая его на длинном шесте (бакан), в то время как установкой всей юрты, по традиции, занимались женщины.

В основе строительных решений юрты лежат конструктивные элементы - решетчатые стенки (кереге), купольная часть - изогнутые жерди, скрепленные сверху деревянным обручем-түндүком. Ребра свода (уук), веерно расходясь от замка түндүка, упираются в упругий с ромбовидными ячейками каркас, равномерно воздействуя на него [1, с. 116]. Идея такой конструкции заключалась в том, чтобы свести нагрузку купола, покрытого войлоками, к равнодействующей и направить ее к основанию. Французский архитектор Огюст Перрс однажды сказал: «Искусство архитектуры заключается в том, чтобы заставить звучать опоры...».

«Звучание опоры» связано и с другой особенностью кыргызской юрты: в ней ширина не преобладает над высотой. Тогда как монгольская и казахская юрты приземисты, их купольная часть приплюснута. Пластическая задача вертикальности кыргызской юрты решается с приближением к золотому сечению (около 0,39: 0,61). Гармоничность масштаба была вызвана, по-видимому, не только утилитарными задачами, но что важнее - ценнейшими психологическими и эстетическими установками в творчестве народа. Здесь проявилось стремление к гармоничному слиянию с природой, где в ландшафте доминируют горные вершины, устремленные вверх.

Особого внимания заслуживает сама форма - форма круга и, соответственно, строящегося на этой основе объема. Еще не исследованы перспективы этих объемов в конструктивных приемах современной

архитектуры. Хотя попытки обратиться к этим формам были в рамках советского конструктивизма в 20-30 годы XX века и европейского функционализма: Е. В. Татлин строит свой круглый дом-башню, а Ле Корбюзье на основе модулера - антропометрического идеала - конструирует в 20-е годы жилье.

Организация внутреннего пространства юрты имеет тенденцию трехчастного деления по вертикали, что служит важным средством создания иллюзии кругового движения пространства и формообразования объема. Технически эта задача решена с помощью декоративно-художественного убранства. Широкая полоса кошмы (60-70 см), украшенная богатым мозаичным узором из цветного войлока, так называемая жабык баш прикрывает место соединения верхних (үзүк) и нижних (туурдук) войлочных покровов юрты. Тем самым, она образует фриз, расположенный выше решетки (кереге). В свою очередь специальной плетеной полосой с кистями и бахромой украшается круг тундүка, отделяя последний от купола, создавая большую композиционную значимость купольного пространства. Таким образом, чередование горизонтальных рядов визуально расширяет объем внутреннего пространства, придает ощущение статичности постройки, снимает напряженность конструкции и подчеркивает соподчиненность ее частей.

Сейчас трудно определить, как менялись конструктивные элементы юрты во времени, но тот максимальный эффект, который дает имеющийся вариант, говорит об универсальности выработанной схемы. Усилия по созданию этого оптимального жилища завершились созданием цельной формы и объема, органически вписавшихся в природную, социальную и психологическую среду. Именно в своей цельности юрта становится не только жилищем, но центром своего мира номада: замкнутым, защищающим пространством, обеспечивающим при этом выход вовне и контакты с внешним миром.

Картина мира, представленная через юрту в образах «высших реальностей», недоступна прямому наблюдению. Тем важнее разыскание ее, познание «единства сущности и существования, идеального и реального...» [10, с. 143]. На примере феномена юрты, ее актуализации в прошлом, ставшей неактуальной как массовое жилище в середине XX века в связи с изменившимися социально-экономическими условиями и распространением стационарных домов, вновь сделавшись актуальной на новом витке культурного развития в конце XX - начале XXI веков, мы видим то, что невидимо: трансформацию духовного наследия кыргызского народа. Но, отразившись в прошлом, как в зеркале, юрта приобрела противоположный признак, т.е. из дома для живых она стала домом для мертвых и таким невероятным усилием культура сохранила комплекс накопленных за века глобальных универсальных знаний и представлений о структуре мира космологического характера.

Сохраняясь в похоронном обряде и будучи зеркальным отражением юрты для живых, она обретает черты, характеризующиеся меной правого и левого. Т.е. двойником живого человека делается покойник. Сущностью бытия покойника, в отличие от бытия живого, становится «опустошение» в противовес «полноты жизни». Несимметричность этих двух позиций находит выражение в том, что покойник помещается в пустую юрту, не украшенную. И более того, пространство юрты оказывается как бы «вывернутым»: ковер в ритуале похорон помещается снаружи.

Литература

1. *Абрамзон С. М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
2. *Аалиева Н. К.* Боз үй философиясы. // Рух кенчи. Республикалык тарыхый-маданий, агартуу гезити, 2009. Январь.
3. *Аалиева Н. К.* Кыргыздардын салттуу турак-жайы – боз үйдүн дүйнө көрүмдүк жана практикалык мааниси // Кыргызстан тарыхынын маселелери – Вопросы истории Кыргызстана. Илимий журнал. Научный журнал. Бишкек: Институт истории НАН КР, 2009.
4. *Бахтин М. М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
5. *Ведутова Л. М.* Юрта в культурно-историческом пространстве и времени // Культурное наследие и народное творчество. Бишкек, 2006.
6. Научная картина мира. М., 1983.
7. *Орозбаков С.* Манас. II. 404.
8. *Орозбаков С.* Манас. III. 117.
9. *Орозбаков С.* Манас. IV. 20-23.
10. *Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 1956. Т. 1.
11. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
12. *Урманбетова Ж. К., Абдрасулов С. М.* Истоки и тенденция развития кыргызской культуры. Бишкек, 2009.